Илья Муромец и Сокольник (5)

Ай недалёко было от города от Киева,
Не далёко, не близко — да за двенадцеть вёрст
Де стояла застава да богатырская,
Не вели́ка, не ма́ла — тридцать да собоґа́тырей,
Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
Де задягала дорожка да ровно тридцеть лет,
Тут не конной, не пешой а не прохаживал,
Не рыскуцёй зверь да не прорыскивал,
Ни ясён соко́л да не проле́тывал.
Ай-де был атаманом Илья Муромец.
По(й)утру ставал старо́й ранёшёнько,
Омываетце старо́й да клюцевой водой,
Он-де Боґу молитце, старой, да не помножоцьку,
Одевал Козловы сапожки да на белы́ чулки,
Он Боґу молитце дак не по множецку,
Одевал ведь кунью шубу да на одно плецё,
А пухов-от колпак дак на одно ухо́,
А-де брал он трубоцьку подзорную,
А выходил он сам дак на крылецюшко.
А зрил-смотрел в ту сторонушку во северну —
Ой-де на севери стоит дак ледяны́ горы́;
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку в востоцьную —
Ой-де на востоке стоят дак лесы тёмные,
А-де лесы темныя, горы́ высокие;
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во южную —
А-де на юге стоят луга широкие,
А-де луга широки, травы там зелёные;
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
А-де на запади стоит да полё чистоё,
Полё чистоё, да всё Кули́ково.
А-де не славной Буян-остров там шатаитце,
А не Саратовы горы да взременяютце,
А, верно, едёт боґатырь да забавляитце:
А стрелоцькой он кверьху да сам постреливат,
На лету стрелу подхватыват, на пол не (й)ураниват

На лево́м колени еґо чернилица,
А на право́м колени еґо бумажоцька:
А-де пишот он арлык, дак скору грамотку,
Он подметывает ей да ко белу́ шатру.
А-де выбегал старо́й да поскорёшенько,
Он брал записоцьку легошонько,
А давал читать Добрынюшке Никитицу.
А-де читал Добрыня, да усмехаитце:
«А там едёт молодець, похваляитце:
„Уж я еду к вам да в стольнёй Киев-град,
А шуметь-грометь да в стольнём Киеви.
Я божьи́ церкви да и на дым спущу,
А древяны́ иконы — да на поплав воды,
А медны иконы да я во грезь стопцу,
А Владимера-князя́ да я под мець склоню,
Апракси́ну я княгину да на себя возьму.
Крупну силу да я сповыбью сам,
А мелку силу да я сповыгоню,
А Добрынюшку Никитиця я — во писари“».
Де закричал старо́й да громким голосом:
«А не времё спать, дак вам пора ставать,
А не от великоґо хмелю да просыпатися,
А не от крепкого сна, робята, да розбужатися,
А коґо же мы пошлём дак за боґа́тырём,
А коґо же мы пошлём дак за могуциим?
А послать-то не послать мне Дюка сына Степановиця?
А не Дюк Степановиць — роду неповоротливого,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать нам братьей да полонёныих?
А братья полонёные социняют всё изменушку.
А послать-то не послать Самсона сына да Колыбановиця?
А Самсон сын Колыбанов — роду да он сонливого,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать дак Мишку ле Торупанишка?
А Мишка Торупанишко — роду ле торопливого,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать Олёшеньку Поповиця?
А Олёшенька Поповиць — роду да заговорливаго,
А не сумеёт он с боґа́тырём ведь съехатце,

Не сумеёт он боґа́тырю ведь честь воздать,
А незави́д он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитиця?
А Добрынюшка Никитиць да роду вежливаго,
А сумеёт он с боґа́тырём ведь съехатце,
А сумеёт он с боґа́тырём розъехатце,
А сумеёт он боґа́тырю ведь честь воздать».
А не видели, как Добрыня да на коня скоцил,
А не видели, как Добрыня да в стремена ступил,
Токо видели: цисто́м поли́ копа́ть стоит.
Где догнал-се Добрынюшка Сокольника,
Он кричал, Добрыня, да во перво́й након:
«Если русский боґа́тырь, да поворот даю,
А не русский боґа́тырь, да я напу́с держу!»
А на ето детина да не(й) ослушалсэ.
А-де кричал Добрыня да во второй након:
«Если русский боґа́тырь, дак поворот даю,
А не русский боґа́тырь, да я напу́с держу!»
А на ето детина да не(й) ослушалсэ.
А-де кричал Добрыня да во третье́й нако́н:
«Если русский боґа́тырь, да поворот даю,
А не русский боґа́тырь, да я напус держу!»
И на ето детина да не(й) ослушалсэ.
А-де стал Добрынюшка ле ругатися:
«А едешь, гадина ты перегадина,
Не приворачивашь к нам на за́ставу каравульнюю,
Не считашь ты нас, уда́лых добрых молодцев.
А ле́тишь, ворона да пустопёрая,
Ле́тишь, машешьсе, сорока да загумённая.
А была у нас убайна коровина бозы́кова,
По загуменьям коровина волочиласе —
Олави́ной коровина подавиласе.
Верно те, собаке, да то же да надобно!»
А на ето детина да поворот даёт,
Ой-де брал он Добрыню да за жёлты́ кудри́,
Он бросил еґо да на сыру́ землю́,
Он дал тут ему ведь сам по тяпышу,
А прибавил еще́ да по олабышу:
«А поезжай-ко ты назад, Добрыня, да во бело́й шатёр,

Расскажи-ка старику да ты низкóй поклон,
Ан что он вами, говнáми, да заменяитце,
Ему самому в поли да тут не справитце».
А-де едёт Добрыня да не по-старому,
Еґо конь бежит да не по-прежному,
А повеся́ дёржит Добрыня да буйну голову,
Потопя́ еґо да оци да ясные.
А-де стал старóй Добрынюшку выспрашивать,
А-де стал старóй Добрынюшку выведывать.
«Видел в поли да я богáтыря,
Шлёт он тебе да сам низкóй поклон,
Что говорит — чтó он вами, говнáми, да заменяитце,
Ему самому со мною да там не справитце».
А завидело око да молодецкоё,
А заслышило ухо да боґатырскоё,
А расходились еґо плечá могучия,
А рассердилось еґо да ретивó сердцó.
«Уж уздайте-седлайте да мне добрá коня́!
А берите вы еґо да вы со трёх цепей,
А кладите восемь ле подпружецёк,
А девяту кладите чересхребётную,
А на шею кольчужоцьку серебрену,
А не ради красы дак молодецкоей —
Ради крепости дак богатырскоей,
А щобы не оставил добрый конь дак во чистóм полй.
А не успеете вы щей котла сварить —
Да привезу погану да буйну голову
На погáленьё вам, дак на покóрканьё».
А не видели, как старóй дак на коня скоцил,
А не видели, как старóй дак в стремена ступил,
А не видели поездки дак молодецкоей,
А не видели побежки да лошадинноей,
Токо видели: в чистóм поли копáть стоит,
Из-под копыт коня да искры сыплютце,
Изо рта коня да пламё да мечитце,
А не золотиста грива да росстилаитце,
Хвост трубой коня дак завиваитсе.
А-де наговаривал Сокольник да он своим слугáм,
Он своим слугáм, да свóим да верныим:

«О<й> вибирайте вы себе хозяина поласковей,
А поласковей хозяина, повежливей, —
Со стары́м-то съехатце, дак мне не брататце,
Со стары́м-то съехатце, дак не с родным отцом,
Со стары́м-то съехатце, дак дело да под молитвою,
Дело под молитвою, да чья божья́ помочь».
Тут не две горы ведь там столкнулисе,
А два боґа́тыря ведь в поле съехали.
Они бились-дрались дак целы да сутоцьки,
А копья их дак повихалисе,
Сабли их да пощербалисе.
Они бросили етот бой дак на сыру́ землю́,
Ухватились они да-де тут в охабоцку.
У старо́го похвальнё да слово сретило —
А-де лева нога его да подломиласе,
А права нога да прокользнуласе,
А-де упал старо́й да на сыру́ землю́.
Ай заскочил Сокольник на белы́ груди́,
А разорвал еґо латы булатные,
Вытащил кинжалищо булатное,
Он хотел ему ведь резать груди белые,
Осмотреть еґо-де ретиво́ серьцо́.
Где взмолился старо́й дак Богородице:
«Я за вас стою, да я за вас борюсь,
А я стою, борюсь за верушку Христовую,
А выдали вы мня поганым да на поруганьё,
А выдали мня поганым да на погаленьё!»
Тут не ветёр полосоцькой возмахиват —
У старого вдвоё-втроё силы да тут попри́было.
Ухватил он Сокольника за подпа́зухи,
Он бросил еґо да на сыру́ землю́,
А заскочил ему на груди белые.
А разорвал еґо латы железныя,
Он вытащил ножичёк булатноей,
Он хотел ему резать ґруди белыя,
А смотреть еґо да ретиво́ сердцо́ —
А в плеци рука его да остояласе.
А-де стал старо́й спрашивать Сокольника:
«А коёй земли, да коя роду-племени?

А как тебя зовут ведь тут по имени?» —
«Я когда сидел у тя на ґру́дях, да я не спрашивал,
А режь меня и ты, не спрашивай».
Да замахнулсэ старо́й да во второй након —
А в локтю рука еґо да остояласе.
А-де стал старо́й спрашивать Сокольника:
«А как тебя зовут, да чьёго роду-племени?» —
«А коґда я у тя сидел на ґрудях, тебя не спрашивал,
А режь меня да ты, не спрашивай».
А-де замахнулсэ старо́й да во третье́й након —
В заведи́ еґо рука дак остояласе.
Он-де стал старо́й ведь спрашивать Сокольника:
«Коёго роду, да коя племени?
Как зовут тебя по имени?» —
«А есть за морём полени́ца да одноокая,
Она будёт мине мать, да я её ведь сын».
Де взял старо́й Сокольника за подпазухи,
И поставил его да на резвы́ ноги́.
«Поезжай-ко к матери да во черно́й шатёр,
А скажи-ко ей ты да сам низко́й поклон,
А пусть приезжает к нам на за́ставу каравульнюю.
А не будёт те в поли да поединщика».
А говорил Сокольник да своей матери:
«Видел в поле я коровушку бозыкову,
Она блядью тебя ругат, дак меня выбледком».
А тоґда говорит мати ведь сама Сокольнику:
«А старо́й-то не пустым ведь хвалитце,
А старо́й тебе да он ведь ро́дный отец».
Тогда рассердилсе Сокольник да сам ведь в ярости,
И срубил ведь голову родной матери.
И поехал тоґда дак во бело́й шатёр.
А забежал Сокольник да он к Илье Муромцу
И ударил старо́го да во белу́ю грудь.
А-де у старо́го на груди да медный чудный крест,
Из-под креста старо́го да кровь ведь брызнула.
Тогда скочил старо́й дак на резвы́ ноги́,
Ухватил Сокольника за жолты́ кудри
И бросил еґо да о кирпичет пол.
Тут Сокольнику ведь смерть случиласе.

(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., д. Боровская Пижемского с/с Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 61 г., и его жены Чупровой Анны Лукичны, 52 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.